

14. Кузнецов Ю. П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. – М.: Сова, 2006. – 640 с.
15. Кузнецов Ю. П. «Отпущу свою душу на волю...» // Литературная Россия. – 1995. – 1 сентября. – С. 10–11.
16. Кузнецов Ю. П. «Рождённый в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 5–13.
17. Кузнецов Ю. П. «Рождённый в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихи. – М.: Советская Россия, 1978. – С. 3–9.
18. Никитин В. А. Толстой и Н. Ф. Фёдоров. Богоискательство и богоборчество Толстого // Прометей. – 1980. – № 12. – С. 113–138.
19. Никитин В. А. Владимир Соловьёв и Николай Фёдоров // Символ. – 1990. – № 23. – С. 279–300.
20. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
21. Семёнова С. Г. Об одном идейно-философском диалоге (Л. Н. Толстой и Н. Ф. Фёдоров) // Преодоление трагедии. Вечные вопросы в литературе. – М.: Радуга, 1989. – С. 100–132.
22. Семёнова С. Г. Русский космизм. Вступ. статья в изд.: Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 3–37 // <http://www.nffedorov.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/predisl.html>.
23. Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 494 с.
24. Тряпкин Н. И. Избранное. – М.: Художественная литература, 1984. – 178 с.
25. Фёдоров Н. Ф. Сочинения. – М.: Прогресс, 1982. – 438 с.
26. Мировое древо // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

УДК 821.161.1-1+929Кузнецов

В.А. Редькин

РОЛЬ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА В ПОЭМЕ-ЦИКЛЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА «ПУТЬ ХРИСТА»

Разрабатывая философскую концепцию русской идеи, Юрий Кузнецов опирался на идеи и образную систему «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Художественный перевод «Слова...» Илариона и поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» составляют единое целое в жанровом, стилевом и идейно-онтологическом планах. Перевод «Слова...» можно считать прологом, эпилогом или введением к циклу поэм Ю. П. Кузнецова о Христе.

Ключевые слова: православие, благодать, Ветхий Завет, Новый Завет, Христос, поэма-цикл, национальные традиции, аксиология, онтология, русская идея.

В русской национальной традиции литература имела не столько развлекательный, игровой характер, сколько решала социальные, нравственные, аксиологические и, прежде всего, мировоззренческо-философские, онтологические проблемы. При этом особо следует отметить свойственную русской литературе мощную традицию православного мировосприятия и её интертекстуальность в отношении Библии и других книг Священного

писания, трудов святителей и подвижников Церкви. Именно благодаря этому она приобрела всечеловеческое значение. Говоря об исключительно высоких духовных ценностях, которые создал русский народ, Н. О. Лосский подчёркивал, что «легче всего усмотреть их в эстетической стороне русско-православного культа» [7: 13].

Выявляя глубинные ценности национальной культуры и опираясь на идейно-художественные традиции русской поэзии, Ю. П. Кузнецов не мог пройти мимо величайшего памятника древнерусской литературы – «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, которое отличается непреходящей актуальностью религиозно-философского и идейно-политического содержания, исключительным совершенством формы. Фактически это основа духовной ментальности русской культуры, исток национального самосознания. По мнению многих исследователей, это апология русской земли, ставшей после принятия христианства равноправным членом семьи европейских народов.

Разрабатывая философскую концепцию русской идеи, работая над поэмой-циклом «Путь Христа», Ю. П. Кузнецов, несомненно, опирался на идеи и образную систему «Слова...» Илариона. Не случайно параллельно с работой над поэмой «Путь Христа» Ю. П. Кузнецов создаёт перевод, вернее, переложение на современный поэтический язык величайшего памятника древнерусской литературы. В примечании к своему переводу Ю. П. Кузнецов так характеризует это произведение: «*“Слово о Законе и Благодати” – первое именованное произведение древней русской литературы. Оно представляет собой вдохновенную проповедь высокообразованного и глубоко нравственного государственного мужа и было произнесено Иларионом в 1038 году, за полтора века до “Слова о полку Игореве”. Оно раскрывает превосходство христианства над иудейством и язычеством, Благодати над Законом, воспева-ет князя Владимира Крестителя и его сына Ярослава Мудрого, духовником которого был Иларион. По художественной красоте оно соизмеримо со “Словом о полку Игореве”, но превосходит его высотой духа*» [5: 1].

Поэтическую пенталогию Ю. П. Кузнецова о Христе «Детство Христа» (2000), «Юность Христа» (2000), «Путь Христа» (2001), «Сошествие в ад» (2002), «Рай» (поэма не закончена) можно считать поэмой-циклом и объединить общим заглавием «Путь Христа». Это одно из самых значительных явлений русской литературы на стыке веков, итоговое произведение как для русской литературы XX века, так и для творчества самого поэта. Ю. П. Кузнецов сконцентрировал в этом творении все свои художественные находки. Поэма-цикл проникнута сквозной идеей, связанной с образом Христа, концепцией веры, бытия, Бога и судьбы человечества.

Говоря о роли «Слова о Законе и Благодати» в творческом сознании поэта, следует выделить три проблемы: влияние идей и образной системы «Слова...» на творчество Ю. П. Кузнецова, в частности, на поэму «Путь Христа», интерпретация идей и образов «Слова...» в поэтическом переводе Ю. П. Кузнецова, воплощение индивидуальной поэтической системы художника в его переводе «Слова...». Не случайно он своё произведение на-

зывает не переводом, а «сотворением». В религиозной философии, основанной на православии, существует понятие синергии, сотворчества человека с Богом. По словам М. М. Дунаева, истинное творчество – это «соединение духовного стремления человеческой души к Творцу и изливание Божественной благодати, одухотворяющей творческую потенцию художника» [3: 49].

Без этого нет творчества, а есть только его видимость. Можно говорить о синергии человека с Богом в деле спасения. Но в данном случае происходит сотворчество современного поэта с поэтом и служителем церкви XI века. Возникает прочное единство творцов, основанное на вере в Христа, вере в правоту Нового Завета и Православия, вере в идеи патриотизма, духовной свободы, а главное – приоритете Благодати Божьей над Ветхозаветным Законом.

Православная Русь утверждается в «Слове...» как равноправное с другими странами государство. Эта проблема не потеряла свою актуальность и в наше время, а для поэта имела особое значение. Когда Ю. П. Кузнецов воплощает русскую идею, неразрывно связанную с богоизбранничеством русского народа, он воплощает именно религиозный смысл этой идеи. Богоизбранничество русских православных людей у него – это «не обещание лучшего места у сладкого пирога, не дарование избранным власти над миром, но наложение особой ответственности за дело, к которому они призваны» [2: 7].

Риторический жанр торжественной проповеди Ю. П. Кузнецов меняет на жанр эпической поэмы, которую можно рассматривать как пролог или эпилог к поэме «Путь Христа». С этим связаны отбор материала для перевода, трансформация композиции произведения, использование поэтических приемов и образной системы, свойственные поэтическому стилю Ю. П. Кузнецова.

Поэма «Путь Христа» является эпической в широком смысле этого слова. Больше того, ей присущи черты эпичности, ибо она рисует переломный момент в жизни человечества, имеющий, в частности, колоссальное значение для национальной истории и духовного выбора русского народа в наше время. По сути, это национальная эпопея, хотя прямо о России в ней не говорится. «Слово о Законе и Благодати» в интерпретации Ю. П. Кузнецова как бы вводит пенталогию поэта в национальный контекст, является ключом к религиозно-философскому смыслу произведения.

Слова Илариона, предваряющие притчу о Саре и Агари: *«И повествование наше о законе, данном Моисеем, и о благодати, данной в истине, явленной Иисусом Христом, и о том, чего достиг закон и чего благодать»* [5: 600], – Ю. П. Кузнецов переносит в начало произведения, чтобы сразу обозначить основную проблему и основной религиозно-философский конфликт. Он подчёркивает повествовательное, эпическое начало в произведении, передаёт основной его смысл, который сосредоточен в первой части «Слова...»: *«Повесть сия о Законе в лице Моисея, // О Благодати и истине*

в сердце Христа. // Что дал Закон? Что с собой принесла // Благодать? // Раньше Закон, а потом Благодать...» [5: 55–60].

План «Слова...», данный Иларионом в подзаголовке, Ю. П. Кузнецов частично вводит в текст как стихотворное вступление с акцентом на крещении именно русской земли.

В своём переводе поэт использует пятистопный дактиль, тот же метр и размер, что и в поэме-цикле «Путь Христа». «Слово...» написано им белым стихом, но подчас он обращается к смежной рифме, ещё больше сближая проповедь Илариона со своей поэмой. *«Восхвалим же и прославим Его, непрестанно восхваляемого ангелами, поклонимся Тому, Кому поклоняются херувимы и серафимы!»* [8: 599] – пишет Иларион. Ю. П. Кузнецов поэтически преобразовывает текст: *«Хвалим Его на земле, как в цветущих слезах // светлые ангелы хвалят Его в небесах. // Богу поклонимся, как поклоняются свыше // все херувимы и все серафимы Ему, // ибо, увидев народы, призрел Он народы»* [5: 18–24].

Это полностью соответствует ритмико-интонационной, образной и даже лексической системе поэмы «Путь Христа»: *«Громко об этом шумели народные хоры, // И отзывались речные долины и горы. // Здесь эти тысячи, здесь! И от мира сего // Злобно кричали: – Распните, распните его!..»* [6: 549]. При этом поэт в «Слове...» переходит на рифмованный стих именно тогда, когда передаётся суть явления: *«Самость себя утверждает в мгновение бегущем, // только спасение зиждется в веке грядущем»* [5: 155–160].

В соответствии с жанром христианской проповеди Иларион в «Слове...» нагнетает цитаты из Священного Писания, использует параллели и сопоставления, библейскую символику. Всё это сохраняется в переводе Ю. П. Кузнецова. Как приём ораторского красноречия воспринимается у Илариона антитеза. С одной стороны, Агарь и Исмаил, с другой – Сарра и Исаак. Прежде Закон – потом Благодать, прежде тень – потом истина. Иларион сравнивает роль Владимира с ролью апостолов в других странах. Широко использует Иларион метафоры и метафорические сравнения: Закон – это *«иссохшее озеро»*, тень, свет луны, ночной холод. Благодать – это *«наводнившийся источник»*, солнечный свет, тепло, язычество – *«тьма служения бесовского»*, епископы – *«словесные овцы Христовы»* и т.д. Многие из этих образов встречаются в поэме Ю. П. Кузнецова «Путь Христа». Луна в поэзии Кузнецова как источник отражённого, искажённого света, символизирует ложь. С этим же связано противопоставление ночи, мрака, тьмы, тени – дню, то есть свету, красоте, истине, справедливости, Божьему откровению.

Трудно отделить образы Кузнецова от образов Илариона. Выражения *«истины столп»*, *«смысла кладезь»*, *«гнездо милосердия»* характерны и для Ю. П. Кузнецова, и для Илариона. Поэт широко использует риторические приёмы и в переводе «Слова...», и в поэме-цикле. В частности, у него встречаются повторы, повторы с вариациями, рефрены.

И всё-таки поэт вносит своё, личностное в перевод. Тень и закон как бы оправдывают иудеев в «Слове...» Илариона, а у Ю. П. Кузнецова они этим

себя утверждают, но не спасаются. *«Отложив всё ветхое, свергнутое злобой в ветхость»* [8: 601], – пишет Иларион, а современный поэт усиливает публицистический накал: *«Прочь иудейство, что ветхо, и косо, и скупо!»* [5: 156]. У Илариона *«вверенный тебе народ»* [8: 601], а у Ю. П. Кузнецова – *«золотой народ»* [5: 156]. Иларион провозглашает: *«...Вознесла свободная Благодать вопль свой к Богу: изгони иудеев вместе с законом и рассей между язычниками, ибо, что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством?»* [8: 601].

Ю. П. Кузнецов добавляет выразительный и сквозной для его творчества образ пыли, усиливая эмоциональную насыщенность текста: *«И возопила она перед истинным Богом:// «Боже, отринь иудеев с их тёмным Законом,// в пыль их рассей. Ибо общего меж иудейством // и христианством, меж тенью и истиной – нет!»* [5: 133–136] И далее он продолжает использовать этот символ, который, судя по стихотворению «Пыль», ассоциируется у него со смертью: *«в пыль иудеи рассеяны были по странам», «пылью густою покрыты киот и скрижали»* [6: 281, 165].

Переводя метафорические образы Илариона, Ю. П. Кузнецов стремится к краткости и ёмкости выражения, что свойственно его поэмам. Он убирает ссылки на библейский текст, сокращает цитаты, сведения о святых и пророках даёт в примечаниях, изменяет порядок слов и добавляет выразительные эпитеты. Например, довольно пространный абзац Илариона: *«И кто столь велик, как Бог наш? Он един творящий чудеса»* *установил закон в предуготовление истины и благодати, чтобы пустое в нём человеческое естество, уклоняясь от языческого многобожия, обшло верить в единого Бога, чтобы подобно осквернённой сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения»* [8: 600], Ю. П. Кузнецов передаёт в ином поэтическом ключе: *«Крепок и славен наш Бог! Кто велик, как // наш Бог? // Бог-Чудотворец, Он твёрдо Закон положил // истине и Благодати в предуготовлень»* [5: 30–38].

Ю. П. Кузнецов добавляет характерные для христианства определения *«крепок и славен»*, вместо цитаты из Псалтыри коротко пишет: *«Бог-чудотворец»*, добавляет метафорическое определение *«мёд благодати»*. Цитату из Псалтыри поэт передаёт своими словами и вводит в текст слова, характерные для его поэмы: вместо «скинии» – «шатёр», вместо «ложесна» – «кущи». Метафорический эпитет *«цветущие слёзы»* характерен именно для его поэтики.

В соответствии со своей идейно-художественной концепцией и трансформацией жанра произведения Ю. П. Кузнецов полностью отказывается от риторической третьей части «Слова...», а из 797 строк перевода 495 относятся к первой части, в то время как первую часть исследователи древнерусской литературы обычно рассматривают как введение ко второй, центральной, части, похвале Владимиру.

В поэме «Путь Христа» Ю. П. Кузнецов концептуально опирается на «Слово...» Илариона. Он вступает в спор с Ветхим Заветом на стороне Но-

вого, прямо выражая своё отношение к тем, кто верен букве закона, а не его духу. Устами Иоанна Крестителя и Христа автор клеймит богоотступников, народ избранный, но не выполнивший миссию, ему предназначенную, не признавший ни пророка, ни Сына Божьего. Пересказывая притчу о том, как стадо свиней, в которое вселился легион бесов, бросилось в море с обрыва, автор замечает: *«Так осыпается буквами ветхий Закон»* [5: 428].

В своём переводе «Слова...» поэт, заостряя конфликт и противопоставляя иудеев и христиан, смещает акценты так, что двойное толкование позиции автора исключается: *«Были чужими, но Божьими стали людьми, // были врагами, но Божьими стали сынами. // И не хулим никого, как хулят иудеи, // но благогласие по-христиански возносим»* [5: 428–432].

Если Иларион пишет, что Бог *«вовсе не попустил творению Своему пребывать во власти идольской тьмы и погибать в служении бесовском»* [8: 130], то Ю. П. Кузнецов подчёркивает: *«Он не презрел своих тварей в бесовском служенье // и одержимых до гибели идольским смрадом»* [5: 438].

«Не попустил» и «не презрел» – понятия разные. У Ю. П. Кузнецова выходит, что попустил, дал право выбора еврейскому народу, и тот выбрал бесовство, но Бог не презрел народ Свой и указал ему путь, который был отвергнут.

Человечество как осквернённый сосуд должно было быть омыто законом и обрезанием – этот яркий образ Ю. П. Кузнецов несколько трансформирует, ибо ему важно подчеркнуть другое: *«Род наш, как скверный сосуд, омовенный // водою, // через Закон и его обрезанье да примет // мёд Благодати и млеко святого крещения»* [5: 36–39]. Для него не столь важно, что человечество должно было быть омыто водою через Закон, а то, что оно принимает мёд Благодати.

Сюжетная канва центрального произведения Ю. П. Кузнецова, поэмы-цикла «Путь Христа», связана с жизнью и духовным подвигом Христа и основана на евангельском тексте. Но именно в «Слове...» Илариона подробно и всесторонне развёрнута мысль о двух природах Христа:

Один из Святой Троицы, Он – в двух естествах – Божестве и человечестве, совершенный, а не призрачный человек – по вочеловечению, но и совершенный Бог – по Божеству, а не простой человек, явивший на земле свойственное Божеству и свойственное человечеству» [8: 604].

Далее идёт развёрнутый анализ природы Христа, что он делал как человек и что совершал как Бог:

Как человек, Он возлежал в яслях, – но, как Бог, принял от волхвов дары и поклонение; ...как человек, Он сорок дней постился и взалкал, – но как Бог, победил искушителя; ...как человека запечатали Его во гробе, – но, как Бог, Он исшел, целыми печати сохранив [8: 604].

Сложность диалектики образа Христа в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова именно в том, что он Сын Человеческий и Сын Божий. Его путь – это движение к духовному перевоплощению, к осознанию своей миссии на земле. Искусы дьявола Христос преодолевает именно как человек и только после

этого осеняется Духом Святым. Но Сыну Человеческому, твёрдо верящему, что он Сын Божий, ещё предстоит пройти испытание на кресте.

Сын человеческий и он же Сын Божий выходит в греховный и противоречивый мир, сохраняя связь с высшими духовными силами: *«Вышел наружу, где солнце, полынь и волчцы. // С правой руки Дух Святой, его ангел-хранитель, // С левой руки дух лукавый, его искуситель. // Белый Пегас расправляет седые крыла, // Чёрная зависть гуляет в чём мать родила»* [6: 489]. Христос рождается, как человек, но, встречая волхвов с дарами, совершает своё первое чудо: *«Оком окинул младенец светло и сурово // Мудрых волхвов и увидел от Духа Святого: // Ладан и миро прозрачны, а злато темно. // Злато он тронул рукой – превратилось оно // В чёрные угли и пелл...»* [6: 489].

Проблема «человек – Бог» в поэме «Путь Христа» восходит к «Слову...» Илариона. Но, с другой стороны, в переводе поэт передаёт это противопоставление в своей системе образов: *«Как человек, тяготил чрево Матери он, // чистого девства не тронув, родился, как Бог. // Как человек, Материнского млека вкусил, // ангелов петь с пастухами наставил, как Бог: // “Богу на небе хвала! Богу хвала на земле!” // Как человек, пеленами закутан он был, // вёл Он волхвов незакатной звездой, как Бог»* [5: 249–255].

Слова *«иширил материнское лоно»* он заменяет на *«тяготил чрево Матери»*; *«питался материнским млеком»* на *«материнского млека вкусил»*, *«звездой путеводную волхвов»* на *«волхвов незакатною звездой»*.

Русская идея Ю. П. Кузнецова основана на концепции мира, человека и Бога, воплощённой в «Слове о Законе и Благодати» Илариона и, говоря словами И. А. Ильина, она «выражает русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание» [4: 66]. Она воплощает то, в чём русский народ «прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов» [4: 66]. Через живое созерцание бытия, мира и человека, природы и национальной истории Ю. П. Кузнецов указывает духовный путь русскому народу.

Таким образом, художественный перевод «Слова...» Илариона и поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» составляют единое целое в жанровом, стилевом и идейно-онтологическом планах. Перевод «Слова...» можно считать прологом, эпилогом или введением к циклу поэм Ю. П. Кузнецова о Христе. В этом едином религиозно-философском эпическом произведении, которое в целом можно охарактеризовать как поэму-эпопею, заключен призыв к вере, добру, духовному подвигу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. – М.: Учпедгиз, 1950. – 492 с.
2. Дунаев М. М. В спорах о русской идее // Литературная газета. – 2006. – № 48. – 29 ноября – 5 декабря. – С. 7.
3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. – М.: Христианская литература, 2003. – Ч. V. – 509 с.

4. Ильин И. А. Для русских. Избранное. – Смоленск: Посох, 1995. – 416 с.
5. Кузнецов Ю. П. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Сотворение со старославянского // Текст с нумерацией строк любезно предоставлен женой поэта Батимой. Ссылки на этот источник даются в тексте статьи с указанием номера строки.
6. Кузнецов Ю. П. Крестный ход. – М.: Сова, 2003 – 640 с.
7. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1994. – 695 с.
8. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. – М.: Художественная литература, 1994. – Кн. 3. – С. 583–619.

УДК 821.161.1.–93+929Драгунская

Л. Н. Скаковская

РАССКАЗЫ КСЕНИИ ДРАГУНСКОЙ: НА ГРАНИ ДЕТСКОГО И ВЗРОСЛОГО МИРОВ

В статье рассматриваются проблемы творчества Ксении Драгунской как продолжение лучших традиций отечественной детской литературы.

Ключевые слова: современная детская литература, Ксения Драгунская.

90-е гг. XX в. стали кризисными для литературы, в том числе и для детской. Значительно упали тиражи книг для детей, закрылась часть детских журналов, опустели детские библиотеки. Однако в начале нового столетия положение стало меняться к лучшему. Возродились детские периодические издания («Мурзилка», «Весёлые картинки»), появились новые газеты и журналы для детей: «Незнайка», «Жили-были», «Свирелька», «Весёлые уроки». Настоящим открытием стало создание журнала «Кукумбер» – иллюстрированного периодического издания для детей 9–13 лет.

«Кукумбер» – это калька с английского слова *cucumber*, что в переводе означает «огурец». Так зовут главного героя одноимённого стихотворения Пола Уэста.

Журнал открывает двери в добрый и вольный мир воображения, свободный от всех «нет» и «нельзя». Авторы журнала – детские писатели и художники Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Саратова, Орла и Владивостока, других городов и стран. Здесь можно встретить имена, знакомые с детства нынешним родителям, и имена совсем новые, которые наверняка будут знать их дети.

Кроме того, возрождается традиция литературных конкурсов, открывающих всё новые и новые имена авторов, пишущих для детей. В начале 2000-х гг. положение с детской литературой оказалось частично осознанным в литературных кругах – свидетельством чего является, например, вы-